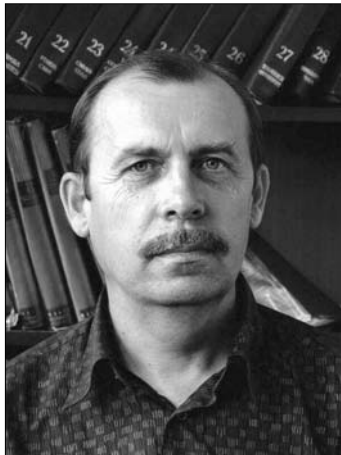

ДМИТРИЙ ВОРОНИН

ПОЗДНЯЯ МЕСТЬ

РАССКАЗЫ

Научное судно “Моноцит” уже целый день стояло у причала, вернувшись из полугодовой экспедиции по северным морям.

Радость встречи экипажа со своими родными осталась позади, и на борту шла обыкновенная работа по приведению судна в относительный порядок.

Часть “научников” выгружала образцы грунта для дальнейшего изучения в лабораториях института, другие писали различные отчёты о проделанной работе, кто-то занимался уборкой кают, а кто-то валял дурака в кают-компании, играя в карты.

— Мужики, — в дверях кают-компании показалась голова боцмана, — вас там авансировать собираются в каюте старпома.

Карты тут же полетели на стол, средний и младший научный состав чуть ли не бегом устремился к старпомовской каюте. Шутки, подначки, подковырки зазвучали в толпе ожидающих. Приятная процедура выдачи денег постепенно подходила к концу, когда к столу подошёл техник научной группы Костик Ребров.

— Распишись вот тут, — второй штурман протянул ему ведомость.

Костик посмотрел на сумму, указанную на бумаге, и просиял. Таких денег он не держал в руках ни разу в своей двадцатитрёхлетней жизни.

ВОРОНИН Дмитрий Павлович родился в 1961 году в г. Клайпеда (Литовская ССР). Автор трёх сборников рассказов. Участник многих альманахов и прозаических сборников. Публиковался в журналах “Подъём” (Воронеж), “Север” (Петрозаводск), “Приокские зори” (Тула), “Петровский мост” (Липецк), “Лик” (Чебоксары). Лауреат премии “Золотое перо Руси” и других международных конкурсов. Член Союза писателей России. Член Конгресса литераторов Украины. Живёт и работает учителем в п. Тишино Калининградской обл.

— Получи, — отсчитал указанную сумму второй штурман и улыбнулся Костику. — С почином.

— С тебя причитається, — похлопал Костика по плечу старпом, пряча в бороде улыбку.

— Обязательно, конечно, а как же, — смутившийся Костик сгрёб деньги и рванул к двери.

— А пересчитать? Вдруг обманули? — раздалось вслед.

— Не, всё верно, я доверяю, — прозвучало из коридора.

Костик быстро прошагал в свою каюту и заперся. Разложив на столе деньги, он минут пять рассматривал их, а потом начал раскладывать по карманам и рассовывать по карманам.

“Эти — маме, — рассуждал Костик, — эти — себе на обновки, эти — Наташке на подарки, эти — на проставку ребятам, а эти — на поход в ресторан с Григорием Моисеевичем”.

Для него этот поход был очень важен, решалась судьба: или Юерман берёт его к себе в институт, или придётся забыть о науке, экспедициях, новых друзьях и романтике.

Распределив деньги по карманам, Костик с опаской подошёл к каюте Григория Моисеевича. Юермана он побаивался — и в силу разницы в возрасте, и в силу некоторой строгости начальника экспедиции. Юерман всегда был хмур, сосредоточен, неразговорчив, и только глаза выдавали в нём незлобивого человека — высвечивалась в них какая-то озорная искорка, не позволяющая собеседнику оробеть перед всемогущим доктором наук.

Костик осторожно постучал в каюту Юермана.

— Можно? — открыл он дверь.

— Входи, — поднял голову Григорий Моисеевич. — Чем могу служить?

— Григорий Моисеевич, я вот тут, понимаете... — замаялся Костик, теббя непослушный вихор.

— Ну, смелее, смелее, — ободряюще улыбнулся Юерман.

— Я приглашаю вас сегодня поужинать в ресторане, — выпалил Костик и покраснел.

— Ого! — сделал удивлённое лицо Юерман. — Вы меня приглашаете? А где же цветы?

— Я... нет, вы не так меня поняли. Я не приглашаю вас, то есть... нет, я приглашаю, но не как... а по-другому, — Костик умолк, окончательно смутившись.

— Ну, это понятно, что по-другому, а не как... — заиграли озорные искорки в глазах Юермана. — А то и говорить не о чем, потому что в нашей стране это совсем не так, а всё гораздо хуже, если не сказать, что совсем капут.

Костик умирал от стыда и злости на самого себя. Так глупо, так бездарно завалить всё дело!

Но Юерман не был бы Юерманом, если бы продолжал шутить и дальше. Понимая состояние Костика, Григорий Моисеевич посерьёзnel:

— Ладно, Константин, пошутили и хватит. Я согласен посетить с тобой это заведение, но с условием: обедает каждый за свои. А спиртное за мой счёт. И не отрицай, тебе деньги самому нужны. А сейчас иди занимайся своими делами. В час встречаемся у “Меридиана”, знаешь такое кафе?

Костик кивнул.

— Ну, до встречи.

Костик, всё ещё смущённый, выскочил из каюты начальника экспедиции. Ровно в час Костя с Григорием Моисеевичем входили в кафе. Расположившись за столиком, Юерман стал внимательно изучать меню.

— На правах старшего заказ делаю я, возражений не принимаю.

Костик согласно кивнул.

— Так, — обратился Юерман к подошедшему официанту, — два оливье, два салата из кальмаров, два борща, два отбивные, бутылочку армянского коньяка и минералку. Позже — кофе.

— Сделаем, — записав заказ, официант ушёл.

Костик, поникший, молчал, не решаясь начать важный для себя разговор.

— Ну, как тебе экспедиция? — спросил Григорий Моисеевич. — Правилась?

— Это так здорово, что даже слов нет, чтобы передать все чувства! — оживился Костик. Глаза его загорелись, спина выпрямилась. — Я ничего подобного не испытывал никогда. Жалко, что пролетело всё так быстро, как один день, даже нет — как один миг. И так не хочется верить, что больше это не повторится!

— О, да он у тебя поэт, — вдруг раздался за спиной у Костика насмешливый голос.

Костик покраснел и зло повернулся назад.

— Всё, всё, сдаюсь, сдаюсь, — притворно вскинул руки вверх полноватый мужичок небольшого роста, одетый в потёртые джинсы и линялую тельняшку навыпуск. — Гриша, скажи своему юному другу, что я пошутил, а то он меня сейчас съест.

Григорий Моисеевич поморщился.

— Знакомся, это местная знаменитость — поэт Леонид Лямкин, — представил он своего знакомого. — А это Константин, наш младший научный сотрудник, — обратился Юнерман к Лямкину. — Кстати, тоже пишет стихи.

Лицо Кости из красного сделалось пунцовым.

— Любопытно, любопытно, — несколько поскучнел Лямкин, подсаживаясь за столик. — Многие сейчас себя считают поэтами, но о поэзии потом. Гриша, ты, я вижу, с морей и, конечно же, при деньгах. Утощаешь старого друга и поэта?

— Ну, а куда от тебя деться, — натянуто улыбнулся Юнерман. — Тем более ты уже уселся.

— Вот и хорошо, вот и ладошки, — потёр ладони Лямкин и прокричал в зал: — Официант, добавь сюда бутылку армянского и парочку салатиков для начала!

Вскоре на столе появились салаты, коньяк, минералка и борщ.

— За встречу, — поднял свой фужер Лямкин. — Гриша, за тебя, — и, не дожидаясь остальных, опрокинул в себя содержимое. Тут же налил снова. — За поэзию! — и выпил второй фужер.

Костя молча поглощал борщ, украдкой поглядывая на Леонида Лямкина. Первый раз в жизни Косте довелось встретиться с настоящим поэтом. Весёлый, раскованный, компанейский. Вот бы ещё стихи его послушать, а может, и рассказы о встречах со знаменитостями. Ведь он наверняка знаком с лучшими поэтами и писателями!

— Гриша, — налил себе третий фужер коньяка захмелевший Лямкин, — а давай за музу, за такую музу, которая всегда с нами, с истинными любителями искусства!

— Лёня, — укоризненно покачал головой Юнерман, — третий тост поднимают не за музу, а за...

— Да брось ты, Гриша, банальности разводить, — скорчил недовольную гримасу Лямкин и залпом выпил коньяк. — За тех, кто в море, за тех, кто не с нами... Фигня всё это. Пить надо за себя, любимых, а не за кого-то там вдали.

Григорий Моисеевич чуть сморщился, но спорить с поэтом не стал, зная его капризный характер.

— Слушай, Лёня, ты что-нибудь новенькое написал? — перевёл он разговор на другую тему.

— Не уважаешь, Гриша, ты меня, — обиженно вытянул нижнюю губу Лямкин. — У меня ни дня без строчки, как сказал один известный писатель. Кстати, и на вашу морскую тему есть немало. Сейчас, только выпью чуток и выдам. — Лямкин выпил очередной фужер, крикнул, закусил и повернулся к Костику.

— Слушайте, молодой человек, оценивайте и запоминайте, как сидели за одним столом с гением русской словесности, потом внукам похвалиться будете.

Поэт встал, покачнулся, одной рукой схватился за спинку стула, другую вытянул вперёд и начал с пафосом:

*Корабли уходили в ночь
Далеко от родного берега,
И волна убегала прочь
За кормой к берегам Америки.*

*Спи, родная, в тиши ночной
Приплыву я к тебе сквозь туманище.
Охраняю я твой покой —
Ведь я главный в морях капитанище.*

*И когда мы вернёмся домой,
Ты на шею мою облокотишься.
Я поверю, что берег мой
Не Америка — родных скопище.*

— Браво, браво! Лямкин — это величина! — ухмыляясь, захлопал в ладоши Григорий Моисеевич.

Не заметив сарказма в голосе Юнермана, поэт гордо продолжал:

— И еще из недавнего:

*Люблю себя в своём лице,
И невозможно быть иначе,
Когда на зорьке на крыльце
Коровы мыкают на даче.*

*Я есть советский гражданин,
Я патриот своих началов,
В стране я Чацкий господин,
Как говорил актёр Качалов.*

*Мы все рождались из полей,
Из жнив, из гумен, из пшеницы.
Ты трогать Родину не смей,
Она — орёл, она — жар-птица.*

*Большой державною рукой
Она карает и лелеет,
И я иду по ней ногой,
И сердце гордостью смелеет.*

Костя изумлённо уставился на Лямкина. Поэт, заметив его изумление, тут же продолжил:

— А теперь самое что ни на есть самое! Да что слова, слушайте!

*А вот и встал навеки миг
Во славу музе потрясённой,
Нырнул в пучину яркий блик —
Поэта стих замороженный.*

*Я будто памятник себе,
Ещё не есть, но скоро буду.
Пишу поэзию судьбе,
Покуда живы, не забудут!*

*И пусть гремит во все концы
Известное моё творенье.
И пусть читают подлецы
Одно про них стихотворенье.*

*А в нём весь я, с конца в конец,
Моё нутро, моя судьбина.
Своим стихам я сам — отец,
А кто не внемлет мне — дубина.*

— Ну, Лёня, вот тут ты весь, вот тут ты себя превзошёл, аки бог, — налил себе коньяка Юнерман. — Вот этим ты меня сразил, убил наповал!

— А, понял, Гришка, понял потаённый смысл, — светился всем лицом Лямкин. — Я знал, знал, что поймёшь! На руках за такое носить надо.

— Да-а-а, это точно, на руках выносить, это шедевр на все времена, — криво улыбаясь, согласно кивал головой Григорий Моисеевич. — Много выпил, пока родил это?

— Не знаю, не считал. Ещё прочесть?

— Хорош, хорош, — заслонился от поэта руками Юнерман. — Дай это переварить.

— Эх, Гриша, слаб ты на восприятие серьёзной поэзии, — пренебрежительно скривил губы Лямкин. — А вот молодой человек хочет послушать настоящую поэзию. Ведь так? — обратился поэт к Костику.

Костик согласно кивнул и застенчиво сказал:

— Да, хотелось бы послушать кого-нибудь.

— В смысле — кого-нибудь? — набычился Лямкин.

— Ну, Вознесенского или Евтушенко, например, — тихо произнёс Костик две пришедшие на ум фамилии.

— Дерьмо и дерьмо, — брезгливо вытянул губу Лямкин.

— В смысле? — не понял Костик.

— В смысле — два дерьма, — ответил поэт.

— Ну, может, тогда Ахматову или Цветаеву?

— Дерьмо и дерьмо.

— Ахматова и Цветаева? — недоверчиво посмотрел на Лямкина Костик.

— Ахматова и Цветаева — ещё два дерьма.

— Да вы что! Как же так? Ну, а Пастернак, Блок, Есенин?

— Ещё те вонючки, одна тошнота, — изобразил отрыжку Лямкин и обратился к безучастно сидевшему Юнерману. — Гриша, что за идиота ты привёл? Он ни черта не понимает в поэзии!

— А Пушкин, Пушкин кто? — Костик приподнялся из-за стола.

— Дерьмо твой Пушкин!

— Всё, — Костик схватил Лямкина за ворот и пинками начал подталкивать к выходу.

— Не смей! — кричал, вырываясь, Леонид Лямкин. — Ты кого пинаешь? Ты ответишь! Ты пожалеешь! Да ты ещё меня на руках носить будешь!

Вышвырнув поэта за порог зала, Костик вернулся к Юнерману, уверенный в том, что поставил своей выходкой крест на собственной карьере. Как же: выставил друга Григория Моисеевича! Каково было удивление Костика, когда он услышал:

— Молодец, Константин, наш человек, быть тебе в нашей команде.

Через тридцать лет известный поэт Константин Ребров шёл на встречу со своими читателями в областную библиотеку. У центрального входа из салона “Тойоты” пожилая женщина вытаскивала две небольшие упаковки книг.

— Давайте я помогу донести, — предложил ей Ребров.

— Вот спасибо, — обрадовалась женщина. — Тут рядом, на второй этаж, в хранилище.

Поднявшись на второй этаж, Ребров поинтересовался:

— А кого я нёс-то, скажите?

— Да этого... Леонида Лямкина.

— Вот чёрт, — рассмеялся Ребров, хлопнув себя по бокам. — Отометил всё-таки, старый графоман, заставил себя на руках носить!

ИЛЬИЧ

На городской свалке Ильич появился поздней осенью. Высокий сутулый старик в тёмно-коричневом драповом пальто, шапке-ушанке и ботинках на толстой подошве медленно брёл среди зловонных завалов, шуруя перед собой сучковатой надтреснутой палкой.

— Чего ищешь, дед? — обнажил в приветливой улыбке полубеззубый рот низкорослый мужичок в истрёпанной грязной фуфайке. — Скажи, может, чего присоветую.

— Так это... Вот, — засмутился старик, останавливаясь, — бутылки пустые ищут.

— Бутылки? — нахмурился мужичок, подозрительно оглядывая новоявленного конкурента. — А чего это тебя на свалку занесло, в городе, что ли, бутылок уже не осталось?

— Не могу я в городе, — нервно сжал свой посох старик.

— Стесняешься... — понимающе усмехнулся бомж. — Звать-то тебя как?

— Степан Ильич.

— Ильич, значит... Ну, а меня Витьком когда-то нарекли, а тут все Солнышком кличут, — протянул грязную ладонь Ильичу мужичок.

Старик с опаской подал навстречу свою дрожащую руку.

— Ты вот что, дед... Ты это, держись возле меня, тогда и при таре будешь, и не тронет никто, — снисходительно ощерился Витёк. — Тут у нас конкуренция ещё та, чужих особо не жалуют и побить могут запросто.

— Побить? — удивлённо посмотрел на бомжа старик. — За что?

— А за то, — захихикал, радуясь удивлению Ильича, Витёк, — за дело. Я ж говорю, у нас новеньких не любят, лишний рот — лишние заботы. Вот ты, к примеру, явился сюда и думаешь, будто тут эти бутылки на каждом шагу разбросаны. А сколько в твоей сумке их, ответь?

— Одну пока нашёл только.

— Правильно, одну, — согласно кивнул Витёк, — ну, может, ещё одну найдёшь или две — и всё.

— Как — всё?

— А так, — вновь засмеялся Солнышко, глядя на растерявшегося Ильича. — Ты, верно, думал, что здесь бутылки только для тебя одного и валяются, так ведь?

— Ну, не знаю...

— Ага, так, — довольно вскинул голову Витёк. — А тут нет ничего, ищи не ищи.

— Что, вообще?

— Ну, если ты экскаватор, то найдёшь.

— Так их чего, не привозят сюда? — вконец расстроился Ильич.

— Привозят.

— Что ж ты мне тогда голову морочишь?

— Так когда их привозят, таким, как ты, возле них места нет, — открыто радовался стариковскому раздражению Витёк.

— Это почему? — покраснел от злости Ильич, чувствуя откровенную издёвку.

— Я ж говорил, у нас чужих не любят, побьют.

— Мне чего, назад уходить, ты на это намекаешь?

— Да нет, дед, ты мне понравился, — ободряюще хлопнул Ильича по плечу Солнышко. — А со мной тебя не тронут. Пошли.

— Куда?

— Познакомлю тебя со своей бригадой.

Умело лавируя между кучами гниющего мусора, Солнышко вывел старика на небольшую ровную площадку посреди свалки. Площадка была заставлена фанерными ящиками, картонными коробками, какими-то уродливыми строениями, напоминающими то ли огромные собачьи будки, то ли дровяни-

ки, то ли складские сарайчики. Возле этих построек, местами обтянутых полустелевшим брезентом, копошились люди, одетые в грязное рваньё.

— Кого ещё притащил? — выкатилось навстречу Солнышку бесформенное толстое существо непонятного пола в рваном солдатском бушлате. — Чего ему тут надо?

— Не заводись, Софочка, не заводись, красавица, — раскинул руки Витёк, загоразживая собой Ильича от неласковой бабы. — Хорошего вот мужика встретил, подумал, тебе жених знатный, ну, и привёл познакомиться. А ты сразу кидаться, как пантера какая. Что о тебе интеллигентный человек подумает, а? Подумает, кавой-то мне Солнышко подесунуть хочет, обещал красу ненаглядную, а на самом-то деле — гарпия натуральная.

— Балабол дурной, чтоб тебя!.. — под обций смех растянула в улыбку гнилой рот Софочка. — Тоже мне, нашёл жениха, пенька старого, — и, махнув рукой, миролюбиво обратилась к Ильичу: — Что, дед, из дома выгнали?

— Выгнали, выгнали, — опередил старика Витёк, не давая тому опомниться. — По себе знаешь, какие нынче детки пошли, не тебя одну на улице выкинули, вот и Ильича тоже.

— Из-за квартиры?

— Из-за неё, из-за чего ж ещё, — продолжал отвечать за деда Солнышко.

— И идти больше не к кому?

— А то б он сюда пришёл!..

— Слушай, Солнышко, — нахмурилась Софа, — чего ты за деда распинаешься, пусть сам говорит! Или он немой?

— А ты себя вспомни: тебя когда из квартиры вышвырнули, много ль слов у тебя было?

— И то верно, — вытащила из кармана бушлата “Приму” Софа, — я тогда с месяц как пришибленная была, всё молчала. Никак до меня не доходило, кто что балакает, про чего спрашивают. Хорошо, сюда добрые люди привели, так тут только и отошла. Счас уж и не вернулась бы назад, что б ни сулили.

— Да... — философски протянул Витёк. — Жизнь — она, конечно, не подарок. Вот так живёшь-живёшь, вроде чего-то добился, вроде и хорошо тебе, как вдруг бах! — и в один момент всё кувырком, всё с ног на голову, будто снег среди жаркого лета.

— Сложно оно всё, это ясно, видать, на роду у людей так написано, — подтвердила значительную мысль Софа и повернулась к Ильичу. — А ты, дед, в Бога веришь?

Ильич вздрогнул от неожиданного вопроса, хотел было уже ответить, но Солнышко вновь оказался проворнее.

— Верит, Софочка, верит.

— Это хорошо, — довольно закивала Софочка, отходя от мужчин, — без веры сейчас нельзя, а то и свихнуться можно.

— Что это ты тут про меня такого наплел, — нахмурился на Витька Ильич, — и бездомный я, и верующий?

— А чё, надо было похвастать, что у тебя особняк в трёх уровнях и ты помощник Жириновского, а бутылки сюда так пришёл собирать для коллекции? — с издёвкой прищурился Солнышко.

— Вообще-то дома у меня и впрямь нет, — виновато сник старик, присев на грязный продавленный диван, стоящий возле покосившейся постройки.

— Ясно дело, — согласно кивнул мужичок, восприняв заявление Ильича как само собой разумеющийся факт.

— Вот только сын меня из него не выгонял, — продолжил начатое откровение Ильич, — сын меня попросту забыл. Как вышел лет двадцать назад в большие начальники, так и забыл, и меня, и мать — жену мою. Жена-то померла два года назад, так он и на похороны не явился, хоть и сообщали. У нас трёхкомнатная квартира была. Пока с женой пенсию получали, хватало за квартиру платить, а как жены не стало, — задолжал я. Вот и решил трёхкомнатную продать, а себе однокомнатную купить. Чёрт меня дёрнул по объявлению, через посредника делать, хотел побольше денег получить, а в итоге оказался на улице без гроша, и не докажешь ничего.

Солнышко открыл было рот, но Ильич предупредил его.

— И не спрашивай, что и как, даже вспоминать не хочу. Жив остался — и слава Богу. Лето мыкался по знакомым да так, где придётся.

— А к сыну? — встрял всё-таки Витёк.

— Нет его у меня, — зло вскинул голову старик, — помер он вместе с женой.

— Как — помер? — удивился мужичок.

— Для меня он мёртв, раз даже мать свою схоронить не сподобился, — ударил, как обрубил, по разбитому дивану Ильич. — И всё, хватит об этом.

— Ну, а в милицию, собес?

— Где я только не был, — с досадой отмахнулся Ильич. — Документы мои вместе с квартирой накрылись, а без них я кто? Никто! Тля я без бумажек этих...

— Это точно, — понимающе подтвердил Солнышко, — по себе знаю. У наших, что тут живут, почти у всех так. И что ты дальше думаешь?

— Не знаю, содохну, наверное, в эту зиму.

— Ты вот что, оставайся у нас. Тут и с голоду не помрёшь, и выпить всегда найдётся, да и крыша над головой какая-никакая.

Так Ильич и прижился на свалке. С утра на промысел — то бутылки собирать, мыть, сдавать, то продукты выброшенные сортировать, продавать, то металл, то запчасти. Да мало ли чего на свалку выкинут! Зиму Ильич с Витьком худо-бедно прокантовались, а по весне, когда уже теплом запахло, простудился Ильич на сквозняке, в горячке промучился недели две и помер однажды под утро.

— Отстрадался, сердечный, — посочувствовала Ильичу Софочка и вернулась к Солнышку. — Что делать со стариком-то будем? Сообщить в милицию от греха подальше, пожалуй, надо бы. Может, родственники какие объявятся. У него документы-то есть? Посмотрел бы по карманам...

— Да нет у него ничего, слямзили документы. И родственников нет, сын только. Так он даже мать не схоронил, а Ильича и подавно не будет.

— А ты всё ж проверь, может, какая бумага и завалилась.

Солнышко нехотя стал проверять карманы стариковской одежды. Проверил пальто, принялся за пиджак и вдруг за подкладкой, напротив сердца, нащупал какой-то сверточек. Витёк суетливо надорвал подклад, отцепил от булавки мешочек, прикреплённый к пиджаку, и, вспоров его, вывалил содержимое на фанерный ящик.

— Ни черта себе! — раскрыла в изумлении гнилой рот Софочка. — Вот это да!

На ящике поблёскивала кучка орденов и медалей времён Отечественной войны. Солнышко дрожащими руками заворожённо принялся сортировать Ильичёвы награды.

— Орден Славы, два ордена Красной Звезды, орден Ленина, Отечественной двух степеней, медаль “За отвагу”...

— Целый иконостас, — поражённо прошептала Софочка.

— Зови мужиков, — в волнении прохрипел толстухе Витёк, — да побыстрее!

Через несколько минут все обитатели “жилой площадки” собрались возле Солнышкиного сарайчика.

— А Ильич-то геройский мужик был, — уважительно перешёптывались они. — Это ж надо столько наград заслужить!

— Да-а... Кем же он на фронте был?

— Кем бы ни был, но то, что герой из героев, это точно.

— Что делать-то будем? Надо бы властям сообщить, такого человека с почестями хоронить полагается.

— А может, продадим ордена? Они ведь бабок бо-о-льших стоят!

— Я вам продам, я вам сообщу! — возмущённо задохнулся Солнышко. — Я, итить вашу, любого замочу, кто хоть вякнет кому, что мы тут сейчас увидели.

— А ты что предлагаешь? — с интересом уставились на Витька бомжи.

— А вот что, — закурил сигарету мужичок. — Не будем мы ничего никому сообщать. Если такой человек при жизни этим властям не нужен ока-

зался, то после смерти и подавно им он ни к чему. Сунут, как бомжа, в общую могилу, а ордена запарят и продадут.

— Это точно, — закивали мужики.

— Мы его сами похороним, — затушил сигарету Солнышко.

— Где, на свалке, что ли? — хихикнул кто-то.

— Нет, не на свалке, — ожёг всех взглядом Витёк. — В роще за свалкой. Пусть у нас будет своя могила героя, свой неизвестный солдат.

— Правильно, Солнышко, — заплакала вдруг Софа. — Ильич — душевный старик был, да ещё и герой, уж я-то за его могилой каждый день присматривать стану.

— А награды куда денем?

— А награды вместе с ним схороним, — строго ответил Витёк.

— Верно, Солнышко, правильно, — одобрительно раздалось со всех сторон.

— И кто на ордена, не дай Бог, позарится — тому не жить. Понятно? — пылал глазами Витёк.

— За кого ты нас держишь?

— На куски искромсаю, кто могилу Ильича тронет.

— Солнышко, с этим понятно, вопрос в другом. Могилу-то не скроешь, обнаружат её — надругаться могут.

— Я это уже продумал, — согласно кивнул Витёк. — Мы не станем делать настоящую могилу — холмик там, крест, оградка. Мы Ильича под липой похороним. Помните — там, в роще, на полянке?

— Ну!..

— Похороним и кострище на том месте разведём, чтоб знать, где точно лежит. Чужим невдомёк, а мы приходиться будем, поминать. Костёр разведём — и Ильичу тепло, и нам благостно.

— Молодец, Солнышко, всё верно, — согласились бомжи.

Весь день население “жилой площадки” с энтузиазмом готовилось к погребению Ильича. Сколотили гроб из досок от ящиков, обтянули его черным материалом, завалившимся у одного из обитателей свалки. Софа Ильича обмыла, передела в чистое бельё из своих запасов, Солнышко укрепил на груди героя награды, и вечером, когда стемнело, траурная процессия двинулась к выкопанной могиле. Гроб опустили в яму, быстренько засыпали землёй, тщательно притоптали и тут же на скорбном месте развели костёр.

— За Ильича, — поднял кружку с суррогатом Солнышко. — Пусть земля ему будет пухом, — и выпил до дна.

— За героя! — застучали остальные кружки...

*п. Тишино
Калининградской области*